

Сначала в комнату вошла весна, закутанная в пьянящий запах жасмина, и скверное настроение бросилось прочь и затаилось в мрачных углах дворцового зала. Впрочем, нет, ирреальное ощущение весны и света пришло потом, а в настоящем был бывший президентский дворец в самом ваххабитском районе Дамаска. И была ночь — густая и вязкая, с бродящим по узким улицам древнего города страхом. Он жил сам по себе, слабея с рассветом и вновь возвращаясь к вечеру, торжественно наваливаясь так, что сдавливало дыхание, но никогда не покидал город насовсем.

А что запах цветущего жасмина? Он ощущался всегда и везде: днём едва пробивался сквозь терпкий аромат кофеен и испечённых в тандыре лепёшек, а ночью становился насыщенным и обволакивал загадочностью, проникая в комнату через приоткрытое окно.

И всё же первой вошла она, а запах шлейфом вошёл следом...

Это стало уже традицией — по ночам собираться в огромном зале дворца. Ужинали, чистили оружие, перелопачивали отснятое за день, выискивая самое цепляющее, слушали фронтовые сводки, огорчались или радовались, спорили, иногда молчали, погружаясь в ведомые только каждому размышления.

И в эту ночь, усталые и продрогшие, вымокшие за день моросью — не дождь, а сеющая мокрая мерзость, от которой не укрыться, — наскоро передевшись в сухое, мы выползли из своих комнат, чтобы снова быть вместе. Это был ритуал, заведённый Маратом, словно вечерняя поверка, когда

старшие плавать, что ты валишься с ног и с вожделением ждёшь команды: “Отбой!” И всё же каждый из нас с нетерпением ждал этой минуты общего сбора, подсознательно стремясь не выпускать надолго друг друга из поля зрения — это давало нам ощущение сплочённости, ощущение единства. Сегодня мы вместе, и это уже хорошо.

Потом разойдёмся по своим комнатам, и поворот ключа щелчком отсечёт кажущуюся безопасность от остального мира. И будет под рукой пистолет с патроном в патроннике, граната или автомат, и будет разорванный на части сон и вновь медленное погружение в забытье, и будет долгожданный рассвет — серый и совсем не приветливый. Но это будет потом, через парутройку часов, а пока мы сидели в большущей комнате с высоченными потолками, совсем неудобной вовсе не от царящего в ней бардака, а потому, что она совсем не предназначалась для жилья.

Джихад ворчал и заботливо развешивал по спинкам высоких резных стульев “броники” с вымокшей за день тканью, до того небрежно сваленные в кучу у входа.

Марат, эта необузданная стихия, откинувшись в огромном кресле, покурил кальян, менторски доводя до нашего сознания очередную конспирологическую версию, рождённую в его неугомонной голове. Вообще-то он не курил, но кальян приволокли по его настоянию: втемяшилось в его забубённую головушку, что для пущей важности и значимости ему недостает именно кальяна. Не смокинга, не, на худой конец, приличного костюма с галстуком, а именно этой дурацкой колбы с чем-то булькающим внутри.

Вася Павлов уже не пытался осмыслить эту кашу из внезапно обрывающихся мыслей и фантастических идей, извергаемых Маратом в промежутках между затяжками, изредка покачивая головой, то ли соглашаясь с ним, то ли нет, но не выказывая желания спорить.

Димка возился с револьвером, безуспешно пытаясь снять барабан. Раритет времён колониальных войн сопротивлялся, но и Димка отличался ослиным упрямством, детской инфантильностью и разумом питекантропа.

Я просматривал дневные съёмки, тщетно выбирая сюжетные кадры и мысленно матеря Димку, решившего в нашей очередной вылазке на “передок” стяжать лавры операторского искусства, снимая всё, что угодно, но только не то, что надо.

Мы — это волонтерская группа ANNA NEWS, информационный спецназ, по пафосному выражению начальника политуправления сирийской армии. От его высокопарности веяло фальшью и перекашивало, зато Марат надувал щёки и несколько свысока оглядывал нас. Но это было утром, когда генерал напутствовал нас на подвиги в Дарайю, а сейчас два часа пополудни, и уставший мозг чертовски хотел покоя.

Изредка где-то на юге шалила людьми сотворённая гроза, разрывая тенью сполохами и накаывая приглушёнными расстоянием громовыми раскатами канонады.

Она появилась неожиданно: дверь без скрипа медленно отворилась, и в комнате материализовалось нечто в чёрном. Чёрная до пят абайя¹ и чёрный никаб² с успехом мог скрывать не только женщину, но и “бородатого”. Чёрт, я же запретил Абу Вали смазывать петли!

— Нет, саед³ Серж, — упрямылся Абу Вали, — скрип мешает вам спать.

Упрямству начальника нашей охраны мог позавидовать самый упрямый осёл Леванта⁴, я просто пообещал пристрелить его, если он смажет дверные петли. Всё-таки смазал, гад, ну что же, поживи пока. До утра.

От неожиданности я вздрогнул, и во рту стало сухо, словно махнул стакан спирта. Из рук Димки вывалился револьвер и с глухим стуком упал на пол.

¹ Длинное платье с рукавами.

² Головной убор с узкой прорезью для глаз.

³ Саед (араб.) — в смысле “господин”. Уважительное обращение к старшему мужчине.

⁴ Общее название стран восточной части Средиземноморья (Сирия, Ливан, Израиль, Иордания, Египет, Турция и др.).

Краем глаза я увидел растекающуюся бледность на лице Виктора, скользнувшую к автомату руку Васи Павлова — далеко вато, не дотянуться, и расплывшуюся в улыбке физиономию Марата.

— Яфа! Ну, наконец-то!

Марат приготовил нам сюрприз и теперь наслаждался произведённым эффектом.

— Ну, и гад же ты, Марат, у меня же сердце слабое, — я пытался за гримасой, изображающей усмешку, скрыть испуг. Улыбаться не стоило: разорванный пулями рот и так гримасничал сам по себе, одинаково скверно изображая и радость, и гнев.

— Скотина, — кратко резюмировал Вася с армейской простотой. — Я же мог пристрелить её.

— Вы не правы, Марат, — укоризненно покачал головой Виктор. Он не изменил своей воспитанности, хотя был ближе всех к Марату, и на его месте я запустил бы в этого любителя сюрпризов что-нибудь тяжёлое.

Неудовимым движением руки Яфа смахнула никаб, и будто горный поток хлынул по её плечам. Она была чертовски красива, и не потому, что мужики успели изголодаться по женскому лицу, — мысли всё время заняты войной и стремлением выжить на этой войне. Нет, она действительно была красива даже по европейским меркам: лицо цвета топленого молока, непривычно зелёные глаза, длинные и волнистые волосы с шоколадным оттенком.

Я не сразу заметил в её руке веточку цветущего жасмина. Сиреневое на чёрном. Лишь когда она положила её на стол, я ощутил этот чарующий запах.

Пять пар глаз впились в это лицо. Нет, всё-таки три: Джихад не мог позволить себе такой бесцеремонности, а Марат вообще не видел в ней женщины. Для него это был источник. Профессиональный источник информации, хотя и алмаз редкостной огранки. Мы рассматривали её сначала с удивлением, затем — с восхищением, потом — с обожанием.

Перед нами стояла женщина, утомлённая дорогой, а мы, здоровые мужики, сидели. Тупо сидели и тупо смотрели, а женщина стояла. Мы делали что-то не так и не то, точнее, совсем ничего не делали, хотя надо бы...

Мысль не успела сформироваться в действие, как Павлов уже щёлкал голыми пятками, жестом показывая на освободившийся стул. В галантности, что ни говори, подполковнику не откажешь.

Димка суетливо вскочил, неуклюже распрямляясь, словно циркуль, зацепился за ножку стула и грохнулся обратно, заливаясь краской стыда за свою неловкость. Ну, куда тебе, стропила рязанская, до Васи Павлова, способного с акробатической ловкостью выныривать из преисподней, то бишь зажатого ПТУРСом танка, а не то, чтобы встать с какого-то там стула...

Я тоже попытался выказать необходимую в таких случаях вежливость, даже привстал, но, поняв, что безнадежно отстал, сел. Позднее зажатие.

Сибаритствующий Марат даже не пошевелился.

Джихад не суетился. Он оставил в покое “броники”, развернул стул и пододвинул его Яфе:

— Садитесь, пожалуйста.

Он не предлагал, не просил — он произнёс это так, как могут произносить только восточные мужчины восточным женщинам, не оставляя им выбора. Это был приказ, выраженный в виде мягкого предложения-пожелания. И Яфа беспрекословно выбрала именно им предложенный стул.

Димке с Василием ничего не оставалось, как броситься на поиски чистой чашки, что было весьма проблематично, ставить чайник и тщетно искать хоть что-нибудь из съестного.

С космической скоростью со стола исчезли грязные чашки, ложки и крошки лепёшек.

В ту ночь Марат устроился на диване в зале, уступив Яфе свою комнату. Мы злорадствовали: любителю сюрпризов не помешает провести остаток ночи на жёстком и холодном кожаном диване, укрывшись курткой. А ещё

¹ Яфа, Яффа (прекрасная) — сирийское женское имя.

мы ему завидовали, тихо, незлобиво, по-доброму, потому что она приняла именно его заботу. Откуда нам было знать, что всю оставшуюся ночь она работала, чтобы утром исписанные, расчерченные и разрисованные ею листочки Джихад отвёз в разведуправление армии.

Забота Марата была неприметна, исподволь, как будто исходила откуда-то свыше.

Яфа ушла на рассвете, когда все ещё спали.

С той ночи мы жили ожиданием её возвращения. Эта хрупкая веточка оливы оказалась сильнее и отважнее нас. Мысленно мы спрашивали себя: смогли ли бы мы вот так, как она, надев чужую личину, находиться среди фанатичных палачей, сатанеющих от крови. Не просто находиться, а осознавать, что в случае провала тебя ждут просто нечеловеческие мучения, когда смерть принимается с благодарностью, как благодать, ниспосланная свыше.

Мы были вместе, а она одна. У нас было оружие, и мы могли защищаться. Во всяком случае, у нас был шанс не только выжить, но и избежать мучений в плену, рванув чеку гранаты, неизменно лежащей в грудном кармашке. Она же была безоружна и такого шанса не имела. Война — это все-таки мужская работа, а она женщина. Хрупкая, нежная, молодая и безумно красивая женщина. Она олицетворяла собою иной мир — мир красоты и покоя, в котором нет войны, нет слёз и горя.

Она приходила редко и всегда неожиданно, когда уж давно истончалась надежда.

— Ребята, вы живы! Как я рада видеть вас!

А война уже забредала в кварталы Дамаска, и всё слышнее была не только канонада, но и длинные пулемётные очереди: “бородатые” не считали патронов, и эта “щедрость” множила почти на ноль наши шансы выстоять. На дороге к аэропорту работали снайперы, и уже несколько раз прорывались к ней “духи”, а мы всерьёз рассматривали карту, прорабатывая пути выхода к границе...

Яфа, обхватив голову руками, твердила:

— Сурия, моя Сурия, как больно моей Сурии...

Из её зеленых глаз истекла боль:

— Не оставляйте мою Сурию...

Мы не клялись, что не бросим. Впрочем, к чему слова, когда эти четверо сумасшедших русских, приехавших сюда по своей воле, олицетворяли Россию, делили с ними глоток воды и кусок лепёшки, поровну последние патроны и оставляли гранату: сначала каждый себе, потом — одну на двоих, а сейчас — одну на троих. Каждый раз после очередного выхода “на боевые” гранаты таяли, как мартовский снег.

С того дня, точнее, с той самой ночи вялотекущие и однообразные будни трансформировались в бешеный ритм, динамику, сумасшедший бег. Репортажи вылетали автоматной очередью. Мы лезли в самое пекло, лишь бы поскорее выполнить задание или задачу, вернуться на базу и, наскоро приведя себя в порядок, собраться в зале, чтобы дождаться её, нашу Яфу. Каждое утро летала по комнате швабра, драя до блеска выложенный каменными плитами пол, вымывалась посуда, скреблись давно затупившимися бритвами щеки и подбородки, наглаживались рубашки и чистилась обувь. И больше не валялись на полу брошенные “бронники” и каски, магазины и ВОГи¹.

Так уж случилось, что на все последующие ночи она выбрала мою комнату, и когда оставалась на ночь, то я располагался на диване. Я ощущал какое-то внутреннее превосходство, будто она выбрала меня, прекрасно понимая, что выбрала вовсе не меня, а мою комнату. Выбрала потому, что она была самая безопасная, самая тёплая, самая уютная и вообще самая-самая.

Ребята настойчиво поочередно теперь уже мне уступали свои комнаты, но я отказывался. Я спал вполглаза и вполуха, ловя каждый шорох, и остаток

* ВОГ — выстрел осколочный гранатомётный. Граната для 40-мм подствольного гранатомёта, устанавливаемого на автомате.

ночи становился долгим и изматывающим. Ближе к рассвету в зале появлялась Яфа и спрашивала участливо:

— Ты опять совсем не спал. Бедненький, и всё из-за меня. Так нельзя, ведь вам же работать.

— Да нет, спал, как младенец, всё хорошо, — убеждал её я, нарочито зевая и потягиваясь.

И словно по команде, появлялись ребята, наливали чай и в дорогу совали ей в руки разломанную на части лепешку, провожая её долгим задумчивым взглядом.

Так повторялось всякий раз, но однажды в комнату вошёл Фираз и молча положил на стол веточку цветущего жасмина.

— Она больше не придёт. Её убили в Кусейре.

Мы не плакали — мужчинам плакать не полагается. Мы просто вышли во двор и подставили лица дождю.

С тех пор мы больше никогда не собирались в зале, а на ветки растущего в крохотном дворике жасмина повязали ленточки.